

Жизнь Константина Константиновича Рокоссовского, блистательнейшего из сталинских маршалов Победы, ярко отразила особенности эпохи, в которую он жил. Революция открыла перед ним, сыном рабочего, дорогу к высшим воинским званиям, которые в царской России были тщательно оберегаемой привилегией аристократии. На фронтах борьбы с врагами Советской власти рано проявился его военный талант, совсем молодым Рокоссовский уже командовал дивизией. В этом главная причина того, что он стал жертвой пятой колонны, действовавшей в органах НКВД. Под прикрытием действительно необходимого очищения военного руководства от кадров Троцкого она жестоко расправилась с наиболее перспективными и преданными партии людьми. Сталин вернул Рокоссовского в армию, но время было неумолимо потеряно для роста. Г.К. Жуков, который командовал полком в дивизии Рокоссовского, стал теперь его начальником. Как знать, окажись перед войной в Генштабе Рокоссовский, начало войны было бы для нас совсем не таким катастрофическим.

О Рокоссовском написано до обидного мало. А то, что написано, почти никому не известно.

В частности, публикуемый ниже рассказ о К.К. Рокоссовском другого выдающегося военачальника Великой Отечественной — Главного маршала авиации А.Е. Голованова, получившего это звание в 40 лет. Записанный Феликсом Чуевым, рассказ вошел в его книгу о Голованове, изданную к 50-летию Победы тиражом 1 тысяча экземпляров. Перепечатывая его, мы хотим воздать должное Константину Константиновичу хотя бы в преддверии 55-летия Победы.

совский, который открытым текстом повел по радиосвязи переговоры о своем перемещении в район Сухиничей, рассчитывая на перехват его переговоров противником. Этот расчет оказался верным. Рокоссовский прибыл под Сухиничи, и ему не пришлось организовывать боя за них, так как противник, узнав об этом, немедленно оставил город без сопротивления. Вот каким был Рокоссовский для врага еще в 1941 году! По одному и тому же плану, что не вышло у Голикова, получилось у Рокоссовского, к тому же без боя и потерь”.

Назначенный под Сталинград, Рокоссовский блестяще провел операцию “кольцо”, окружив более чем трехсоттысячную армию генерал-фельдмаршала Паулюса. Интересная деталь: пленный немецкий фельдмаршал отдал свое личное оружие — пистолет — именно генералу Рокоссовскому, как побежденный победителю.

“Когда мы прибыли из Сталинграда, — рассказывал А.Е. Голованов, — нас принял Сталин, это после завершения операции “кольцо”, всех поздравил, пожал руку каждому из командующих, а Рокоссовского обнял и сказал:

— Спасибо, Константин Константинович!
Я не слышал, чтобы Верховный называл кого-либо по имени и отчеству, кроме Б.М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский был вторым человеком, которого И.В. Сталин стал называть по имени и отчеству. Это все сразу заметили. И ни у кого тогда не было сомнения, кто самый главный герой — полководец Сталинграда...

Это много лет спустя главными героями Сталинградской битвы станут А.И. Еременко и Н.С. Хрущев. Еременко командовал Сталинградским фронтом всего двадцать дней и был заменен Рокоссовским.

В канун двадцатилетия Сталинградской битвы, в 1963 году Рокоссовский отказался лететь на празднование в Сталинград, узнав, что там уже Еременко...”

После Московской битвы “Правда” опубликовала портреты прославившихся командиров. Среди них был портрет красавца-генерала, который впервые был назван “командиром Р.”, а полной фамилией — Рокоссовский. Его узнала страна. После битвы под Сталинградом имя его прогремело на весь мир.

Далее А.Е. Голованов пишет: “4 февраля 1943 года Рокоссовский был отозван Ставкой из Сталинграда, и ему не пришлось как командующему войсками Донского фронта принять участие в митинге, который был организован в Сталинграде по поводу разгрома противника и окончательного освобождения города. Присутствовать на митинге попросился Н.С. Хрущев, что ему и было разрешено. Никакого отношения к боевым действиям войск Донского фронта и ликвидации окруженного противника он не имел, хотя принимал участие в обороне Сталинграда. Упомяну об этом лишь потому, что когда отмечалось двадцатилетие победы в Сталинградской битве, на всех экранах нашей страны Н.С. Хрущев показывался как главный участник этого события...”

А Рокоссовский принял новое назначение — он стал командующим войсками вновь созданного Центрального фронта, которому предстояло сыграть решающую роль в битве на Курской дуге.

Все действия Рокоссовского на Центральном фронте, если их сейчас проанализировать, говорили о том, что он ждал немецкого наступления и тщательно готовит оборону, чтобы противник попытался использовать, казалось бы, выгодную для него ситуацию. Об этом он написал докладную Сталину. Рокоссовского поддержал Жуков, и было принято решение о преднамеренной обороне. Рокоссовский был уверен, что именно на Курской дуге решится исход кампании 1943 года. С обеих сторон было сосредоточено огромное количество войск и техники. Не все в военном руководстве были согласны с ожиданием наступления противника.

“Например, Н.Ф. Ватутин и Н.С. Хрущев, член военного совета Воронежского фронта, предлагали нанести упреждающий удар по противнику, а проще говоря, первыми начать наступление на этом направлении, — пишет А.Е. Голованов, — что несколько колебало уверенность Верховного в принятом им решении вести здесь оборонительные действия. Бывая у него с докладами, я слышал сомнения в том, правильно ли мы поступаем, ожидая начала действий со стороны немцев. Однако такой разговор обычно кончался так:

— Я верю Рокоссовскому! — заключал Сталин”.

С приближением лета нарастала напряженность. Чи нервы крепче? Разведка давала, казалось бы, абсолютно точные данные о начале наступления, но названные числа проходили, а никаких наступательных действий противник не начинал. Прошел май. Опять всплыли разговоры об упреждающем ударе с нашей стороны. Рокоссовский переживал, как бы в Ставке не приняли такое решение. Соотношение сил было примерно равным, и преимущество будет на стороне обороны. Наступающий должен иметь значительное превосходство в силах и особенно в средствах. Организованная оборона давала твердую уверенность Рокоссовскому, что он разгромит противника, а возможное наше наступление наводило на размышления. Тем более что Рокоссовский принадлежал к числу тех полководцев, которые планировали операции с минимальными потерями. Однако Ватутин по-прежнему был уверен в успехе предлагаемого им упреждающего удара...

В конце июля разведка донесла, что противник начнет наступление второго июля. Но ни второго, ни третьего, ни четвертого июля ничего не произошло. Напряжение росло.

“В ночь на пятое июля я был на докладе у Сталина, на даче, — пишет Голованов. — Он был один. Выслушав мой доклад и подписав представленные бумаги, Верховный сразу заговорил о Рокоссовском. Он довольно подробно вспомнил деятельность Константина Константиновича и под Москвой, и под Сталинградом, особенно подчеркнув его самостоятельность и твердость в принятии своих решений, уверенность в правильности, а главное, обоснованность вносимых им предложений, которые всегда себя оправдывали, и, наконец, Сталин заговорил о создавшемся сейчас положении на Центральном и Воронежском фронтах. Рассказал о разговоре с Рокоссовским, где на вопрос, сможет ли он сейчас наступать, последний ответил, что для наступления, имея в виду соотношения сил, ему нужны дополнительные силы и средства, чтобы гарантировать успех, и настаивал на том, что немцы обязательно начнут наступление, что они не выдержат долго, ибо перевозочных средств у них сейчас еле хватает лишь на то, чтобы восполнить текущие расходы войны и подвозить продовольствие для войск, и что противник не в состоянии находиться в таком положении длительное время. И, наконец, не то с вопросом, не то с каким-то сожалением Сталин сказал:

— Неужели Рокоссовский ошибается?... — Немного помолчав, Верховный сказал: — У него там сейчас Жуков.

Из этой реплики мне стало ясно, с какой задачей находится Георгий Константинович у Рокоссовского. Было уже утро, когда я собирался попросить разрешения уйти, но раздавшийся телефонный звонок остановил меня. Не торопясь, Сталин поднял трубку ВЧ. Звонил Рокоссовский. Радостным голосом он доложил:

— Товарищ Сталин! Немцы начали наступление!

— А чему вы радуетесь? — спросил несколько удивленно Верховный.

— Теперь победа будет за нами, товарищ Сталин! — ответил Константин Константинович.

Разговор был окончен.

— А все-таки Рокоссовский опять оказался прав, — как бы для себя сказал Сталин.”

В итоге Рокоссовский выиграл у таких опытных немецких полководцев, как фельдмаршалы Манштейн и Клюге. Тем более что Воронежский фронт, который должен был оказывать содействие Центральному, попал в очень тяжелое положение.

Рокоссовский потом рассказывал Голованову, что в ночь на пятое июля ему стало ясно: немцы сейчас начнут наступать. Жуков, которому доложили о сведениях, полученных от пленных немцев, поручил Рокоссовскому действовать по собственному усмотрению. За сорок минут до указанного пленных времени начала наступления Рокоссовский приказал открыть огонь из пятисот орудий, четырехсот шестидесяти минометов и ста реактивных установок. Это было в два часа двадцать минут, и только в четыре тридцать противник после нашего ураганного огня начал артподготовку, а в пять тридцать перешел в наступление.

— Когда немцы перешли в наступление, у меня как будто гора с плеч свалилась, — сказал Константин Константинович.

ПОЛКОВОДЕЦ НОМЕР ОДИН

— Полководцем Номер Один я все-таки считаю Рокоссовского, — не раз говорил Голованов. — Он выше Жукова и Василевского. Правда, с Василевским его трудно сравнивать, тот штабист, и, когда его поставили вместо погибшего Черняховского на 3-й Белорусский фронт, он ведь себя не проявил. И на Дальнем Востоке он был просто удобным человеком для Ставки.

Рокоссовскому принадлежит Белорусская операция, которую считаю образцом, жемужиной военного искусства. Она сильнее Сталинграда. А ведь с идеей Рокоссовского ни Жуков, ни Василевский не соглашались, один Сталин поддержал, в литературе сейчас все смешали. А я-то хорошо помню, как было...

Когда в серии “Жизнь замечательных людей” вышла книга о Рокоссовском, я попросил Голованова написать о ней рецензию. Она была напечатана в журнале “Молодая гвардия”. Приведу отрывок:

“Если бы меня спросили, рядом с какими полководцами прошлого я поставил бы Рокоссовского, я бы, не задумываясь, ответил: рядом с Суворовым и Кутузовым. Полководческое дарование Рокоссовского было поистине уникальным, и оно ожидает еще своего исследователя. Редкие качества характера К.К. Рокоссовского настолько запоминались каждому, кто хоть раз видел его или говорил с ним, что нередко занимают в воспоминаниях современников больше места, чем анализ полководческого искусства Константина Константиновича. Да и сам Рокоссовский не любил, когда говорили или писали о его полководческом таланте. Он предпочитал, чтобы писали не о нем, а о его соратниках. Этим, очевидно, можно объяснить, скажем, то, что танковое сражение возле Прохоровки современному читателю известно больше, чем тот факт, что решающий вклад в дело разгрома немцев на Курской дуге внес К.К. Рокоссовский”.

Невольно отвлекаясь от текста и вспоминая рассказы тех, кто знал Рокоссовского по 1941 году.

Генерал-лейтенант авиации Н.А. Захаров, с которым я работал в ГосНИИ гражданской авиации в конце шестидесятых годов, поведал мне вот о чем. Когда началась война, Рокоссовский со своим корпусом попал в окружение под Луцком. Надо сказать, что войну он встретил в отличие от многих наших командиров очень подготовленно и грамотно. Перешел в контрнаступление и, разбив превосходящие силы врага, послал в вышестоящий штаб депешу с просьбой разрешить ему взять Варшаву. Естественно, он не знал общего положения на театре военных действий, и ему совершенно справедливо было приказано отступить. Рокоссовский, отступая, вывел свой корпус в расположение наших войск с соотношением потерь 1:2,5 не в пользу немцев. И это летом 1941 года. Как известно, за отступление орденов не давали. К боевым наградам Рокоссовского, полученным за первую мировую, гражданскую добавил орден Красного Знамени. И еще одна деталь. В штабе корпуса не все однозначно восприняли намерение командира наступать на Польшу: ведь только недавно он был еще “врагом народа” и сидел в тюрьме. Первым сбежал из штаба представитель НКВД — на всякий случай...

Во время следствия в 1938 году Рокоссовский ни на кого не показал, ни одного человека не арестовали по его “делу”. За это особо уважали Константина Константиновича. В семье Рокоссовского мне говорили, что Сталин спрашивал Константина Константиновича:

— Там били?

— Били, товарищ Сталин.

— Сколько у нас еще людей “чего изволите?”... — сказал Сталин.

Он просил прощения у Рокоссовского. Возможно, это был единственный подобный случай.

Рокоссовский отсидел два с половиной года, причем был заключен в Шлиссельбургскую крепость, в так называемый “зверинец”. “Дело” на него не получилось — пришлось выпустить.

Вспомнили о нем “наверху”. Говорят, сам Сталин...

Рокоссовский первым перешел в контрнаступление под Москвой. Его 16-я армия вписала свою строку в ратную славу России.

Далее Голованов пишет: “Сколько велика была его известность у противника, можно судить по следующему эпизоду. У командующего 10-й армией генерала Ф.И. Голикова не ладилось дела под Сухиничами, которыми он никак не мог овладеть. Был направлен туда вместо Голикова К.К. Рокос-